

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

Борисова О. С.¹, | К апокалипсису и обратно. Время в проекте «нового человека»
Буйнякова И. С.² | 20-х годов XX века

---

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; borisova@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; buinyakova@bsu.edu.ru

Аннотация. Феномен русской революции не теряет своей актуальности по прошествии более чем ста лет после 1917 года и сегодня приобретает новые смыслы, объединяясь с проблемами легитимности, суверенности, медиа, а также фундаментальными проблемами насилия, террора, времени и многими другими. В статье предпринята попытка опереться на трактовку революции как события-разрыва (А. Бадью), в том числе и разрыва времени, отменяющего привычное его течение и создающего новый временной отсчет, соединив это понимание времени как конструкта с рефлексией апокалиптичности времени в восприятии русских мыслителей конца XIX – начала XX вв., прежде всего Н.А. Бердяева, писавшего о двойном времени апокалипсиса как о конце времени – вечности, а также как о «дурной бесконечности». Такой синтез дает возможность проследить изменение представлений о времени до 20-х годов XX века в движении к апокалипсису и возвратному в контексте идей о «новом человеке». «Новый человек» из жертвующего собой революционер-террориста, принимающего идею конца времени, трансформируется в деятельного творца, в том числе творца времени в репрезентациях Д. Вертова, предстает объектом педагогического воздействия и актором проективного времени у А.В. Луначарского, а также продуктом машинного воздействия у А. Гастева, сближающего до предела объективное время и время индивидуальное, субъективное, скрывающее время-конструкт самого проекта «нового человека».

Ключевые слова: время; революция; человек; апокалипсис; «новый человек»; проект

Для цитирования: Борисова О. С., Буйнякова И. С. К апокалипсису и обратно. Время в проекте «нового человека» 20-х годов XX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 33-40. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

O. S. Borisova¹,
I. S. Buinyakova²

To the apocalypse and back. Time in the project of the “new man”
of the 1920s

¹Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015, Belgorod;
borisova@bsu.edu.ru

²Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308000, Russia;
buinyakova@bsu.edu.r

Abstract. The phenomenon of the Russian Revolution has not lost its relevance after more than a hundred years since 1917. Today, it acquires new meanings, merging with problems of legitimacy, sovereignty, media, as well as the fundamental problems of violence, terror, time and many others. The article attempts to rely on A. Badiou's interpretation of revolution as a rupture event, including a rupture of time that abolishes the usual flow of time and creates a new timeline, connecting this understanding of time as a construct with the reflection of apocalyptic time in the perception of Russian thinkers of the late XIX – early XX centuries, first of all N.A. Berdyaev, who wrote about the double time of the apocalypse as the end of time – eternity, as well as about “bad infinity”. This connection makes it possible to trace the change in ideas about time to the 1920s in the movement from the Apocalypse and return back in the context of ideas about the “new man”. The “new man” is transformed from a self-sacrificing terrorist-revolutionary who accepts the idea of the end of time into an active creator, including the creator of time in the representations of D. Vertov, an object of pedagogical influence and an actor of projective time in A. V. Lunacharsky, and a product of machine influence in A. Gastev, who brings objective time and individual, subjective time together to the utmost, concealing time-construct of the “new man” project.

Key words: time; revolution; man; Apocalypse; “new man”; project

For citation: Borisova O. S., Buinyakova I. S. (2021), “To the apocalypse and back. Time in the project of the “new man” of the 1920s”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 33-40, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

Проблему времени, вынесенную нами в название статьи, можно отнести к одной из фундаментальных проблем философии. Интерес к ней особенно обостряется в переломные, кризисные, революционные периоды, когда можно говорить о «разрыве» (А. Бадью) времени, а также о времени как конструкте. Последнее опирается на достаточно разработанную парадигму, укорененную в понимании времени не как априорной характеристики мира, а как переживания изменений, рефлексии изменений обществом (Ж. Гурвич), цивилизациями (Ф. Бродель, М. Блок), людьми (М. де Серто, П. Бурдьё). В этой парадиг-

мальной рамке также находится концепция времени А. Бадью, в которой время конструируется и находится в зависимости от революции, понимаемой как событие (Бадью, 2006). Событие революции производит «разрыв» времени, прерывает течение времени. Событие, трактуемое как онтологический феномен, также предстает как событие-репрезентация, которое воплощается в литературе и кинематографе и анализ которого как раз и позволяет нам сказать нечто о времени. Отметим, что интересовать нас будет не революция вообще и ее темпоральность, но способ обращения с революцией как достаточно специфичным

объектом. Поскольку революция прерывает течение времени, останавливает его, то неизбежно возникают смыслы конца времени, его отмены, прекращения. И далее возникает проблема его перезапуска, проблема начала, по своей сути демиургическая задача создания нового мира и нового времени.

В отношении русских революций начала XX века эта динамика в конструировании и восприятии времени может быть осмыслена через обращение к известным концептам «нового человека» и революции как апокалипсиса¹. Причем последний концепт достаточно разработан в отечественном философском дискурсе, от сборников «Вехи» и «Из глубины», включая и более ранние работы русских мыслителей, таких как Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, до современных, представленных работами С. Новикова (Новиков, 2019), И. Ткаченко (Ткаченко, 2007), Х. Гюнтера (Гюнтер, 2012). Исследования по проблеме «нового человека» также многочисленны; взятые в контексте русских революций и становления Советского государства в 20-е годы XX века, они могут быть локализованы работами П. Флоренского, Н. Бердяева, В. Розанова, А. Луначарского, А. Гастева и многих других, в том числе современных: С. Никольского (Никольский, 2012), А. Фишевой (Фишева, 2020). Можно с некоторым удивлением констатировать, что эти два тематических поля и две исследовательские программы, охватывая один исторический период конца XIX – начала XX века, центрируясь темой революции, содержательно не проникают друг в друга. Говоря схематично и несколько утрировано, «новый человек», возникший в недрах революционной субкультуры, эволюционирует в «человека советского», не

обращая внимания на апокалиптические опасения, распространяемые вокруг него. Подобная герметичность указывает на проблему, для нас раскрывающуюся в сложной попытке избавиться от апокалиптичности в проекте нового человека 20-х годов XX века, поиске инструментов, прежде всего репрезентативных, символических, для того чтобы сконструировать время «после» революции.

Чтобы прояснить этот переход, необходимо отметить, что и революционеры конца XIX века, и строители молодого советского государства, уже немалые революционеры, в начале века XX соотносили себя с «новыми людьми». Восприятие себя новым, как и проективность, восходящая к латинскому *projectus* «брошенный вперед», комплементарны друг другу. Революционер не может не быть новым и устремленным в будущее человеком. Можно усилить эти смыслы: «новый человек», выброшенный из настоящего в будущее. В нашем случае выброшенный революцией, фантазией ее творцов, их желанием. Равно как и выброшенный – куда, в какое время? Ожидаемый ответ, что в некое совершенное состояние, более развитое, справедливое, лишенное недостатков настоящего. Для описания такого времени напрашивается образ стрелы, однако для многих революционеров конца XIX века эта стрела, если и была некогда выпущена, то уже попала в цель, которой был апокалипсис, конец времени.

Возможно, наиболее репрезентативным в указанном отношении будет фигура Бориса Савинкова, революционера-террориста и руководителя Боевой организации партии эсеров. Его повесть «Конь бледный» своим названием отсылает к проблеме времени. Дневниковый формат повести «запускает» отсчет времени с 5 марта; автор повести не уточняет, но поскольку реальное историческое событие, убийство московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича Романова, произошло 4 февраля 1905 года, то можно предполо-

¹ В современном русском языке, согласно правилу, пишется Апокалипсис в значении части Нового Завета и апокалипсис в значении "конца света". Источник: Орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (словарная база 2020). – *Прим. ред.*

жить, что прототип главного героя Б. Савинкова Иван Каляев, в произведении Жорж, прибыл в Москву в 1904 или 1905 году. Ожидание – первая характеристика времени этого персонажа. Жорж ожидает совершения теракта, встречи с Еленой, своей возлюбленной, наконец, ожидает смерти. Как профессиональный революционер он готов к смерти, к концу жизни и концу времени, своего времени. И ожидание героя раскрывается как ожидание конца времени, его субъективного времени, частного времени конкретного революционера, но также, на что указывают слова из Апокалипсиса: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод и сделалась кровь» (Откр; Апок. 16, 4-6) – времени вообще, социального времени, времени всех остальных, жертв террора и его инициаторов.

Об этом же говорит и символизм названия повести «Конь бледный»: последний из коней Апокалипсиса, конь бледный, несет смерть. Речь о смерти человека. Христианский подтекст (так же, как и контекст) всей повести нуждается в еще одной оппозиции, противопоставлении времени и вечности. Жорж не ожидает вечности и отмены времени, он ожидает смерти, и здесь кроется существенная разница. На ней останавливается Н. Бердяев в статье «Вечность и время», опубликованной в Вестнике русского студенческого христианского движения в 1935 году в Париже, в которой указывает на разницу двух Апокалипсисов: одного, после которого «времени больше не будет», а будет вечность; и другого, в котором будет бесконечное время. Второй апокалипсис Н. Бердяев называет личным и связывает с невозможностью выхода из этого времени (Бердяев, 1935: 32). Бесконечное настоящее – время, длящееся без окончания. И хотя в повести Савинкова меняются дни и происходят некоторые события, но время Жоржа не связано с жизнью, оно просто длится: «Однозвучно тянутся дни, недели, годы. Сегодня, как завтра и вчера, как сегодня. Тот же молочный туман, те же се-

рые будни. Та же любовь, та же смерть. Жизнь, как тесная улица...» (Ропшин (Савинков), 1974: 134-135). То есть ощущение времени героя повести, ее автора, профессионального революционера и террориста Б. Савинкова после слов Н. Бердяева нельзя считать частным. Как минимум, можно констатировать наличие такого восприятия у части российского общества конца XIX – начала XX века, в том числе у той общности, которую можно назвать революционной.

Вполне возможно, что такое восприятие времени не было тотальным. В мемуарах П.А. Кропоткина мы не встретим такого выраженного ожидания и апокалиптичности (Кропоткин, 1988). Скорее наоборот, описание его заключения в Петропавловской крепости связано с ожиданием возможности начать писать научные отчеты и проводить исследования, чем с ожиданием смерти. Общим также было ожидание революции, которая как раз и воспринималась по-разному, в зависимости от политических взглядов и личного опыта, и если для террориста Савинкова она была апокалипсисом, то для Герцена событием более теоретическим и отдаленным. В письмах «К старому товарищу» мы находим: «Социальному перевороту ничего не нужно, кроме понимания и силы, знания и средств. <...> Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все не мешающее, разнообразное, своеобразное» (Герцен, 1955: 81). В этих размышлениях есть не только неспешность приготовления к революции, которая, скорее, есть некий эволюционный переход к новому состоянию, но также отстраненность. Ее нет у Достоевского, который, по мнению Никольского, является автором катастрофического мировоззрения, ссылаясь на слова Н. Бердяева: «Наше мироощущение сделалось катастрофическим. Это Достоевский нам его привил» (Бердяев,

2006: 179). Не будем утверждать, что Достоевский привнес такое мировоззрение, но, безусловно, он его выразил. Мировоззрение катастрофичное, частью которого является апокалиптическое восприятие времени.

Отметим, что время Апокалипсиса как время конца мира имеет два исхода, отмеченные Н. Бердяевым: вечное настоящее, делящаяся «дурная бесконечность» личного апокалипсиса – и конец времени, вечность. Ни тот, ни другой исход времени не согласуется с мировосприятием строителей Советского государства, которые жили не ожиданием уже свершившейся революции, а реализацией проектов создания «нового человека». В отношении восприятия времени это было обратное движение от апокалипсиса, с которым все не закончилось, поскольку время не прекратилось и не остановилось, к времени проективному, выброшенному вперед, активному, деятельностному. В определенном смысле «новый человек» должен был приручить «дурную бесконечность» или, подобно архаическому демиургу, перезапустить ход времени, наполнить «дурную бесконечность» новыми смыслами.

Задача по конструированию «нового времени» для «нового человека» основана на проективном характере времени, которое также есть время изменяемое. Возможно, один из наиболее показательных (и в прямом, и в переносном смысле этого слова) примеров такого времени есть работа Дзиги Вертова «Киноглаз», в котором время наглядно «идет назад», не подчиняется естественным законам, а активно передельвается. Достаточно вспомнить сцену «оживления» скота и возврата его на пастбище. Время обращается вспять, можно сказать, ставится в зависимость от идеи и идеологии. Сам человек становится активным настолько, что подчиняет время своей идее. Подчеркнем: не пассивно претерпевает время, существует в нем, ожидает чего-либо, а активно влияет на него, конструирует и творит его в самом наглядном виде. Через процедуру пере-

мотки «Киноглаз» Вертова репрезентирует обратимость времени, его повторное творение «новым человеком».

В работах Луначарского размышления о «новом человеке» точнее назвать даже программными. Программа как исходное *προγράφησις* – «написанное вперед» – также имеет направленность в будущее. От «старого человека» через пролетария как переходного типа к человеку «новому». И это длительный процесс, дело будущего, о чем пишет Луначарский, ссылаясь на Маркса: «Маркс говорил, что период социальной революции будет длительным – несколько десятков лет и что пролетариат, изменяя весь мир, в этот период изменит и самого себя. Это положение мы должны твердо помнить, подходя к вопросу о воспитании – усовершенствовании человека» (Луначарский, 1928: 48). Будущее как процесс создания «нового человека» раскрывается как серия задач, реализация которых нуждается в ресурсах (Луначарский отмечает их ограниченность, бедность советской школы). Изменившиеся социальные отношения, возможности пропаганды способствуют реализации таких задач. «Наша советская организация, наша партийная организация, наше культурное и строящее социализм государство есть известный этап на этом пути», – пишет Луначарский, равно как и о том, что замедляет достижение цели: «У нас этой внутренней борьбы и внутреннего хаоса еще очень много, мы еще далеко не являемся действительно правильно организованным коллективом» (Луначарский, 1928: 48). Создание «нового человека» не утопический проект, а практический, Луначарский употребляет слово «сознательный», отрефлексированный и реализуемый. Можно сказать, что это будущее, взятое под контроль. Не брошенное на самотек (как раз против «обломовщины» и выступает Луначарский), апатично ожидаемое, не фатально приближающееся, апокалиптическое, а прогнозируемое и планируемое, активно приближаемое проективное время, стимулируемое революцией.

Еще более «управляемое» время мы можем найти в проекте Гастева, поскольку оно связано не с репрезентацией, не с воспитанием человека, а с изменением его самого через деятельность. Организационно антропологический проект А.К. Гастева был поддержан на самом высоком уровне. После одобрения идей А.К. Гастева В.И. Лениным, в 1920 году был создан Центральный институт труда, призванный консолидировать работы по изучению новых форм организации производства, труда и отношений. В том числе и самого трудящегося, который, по мысли А.К. Гастева, должен претерпеть значительные изменения, будучи включенным в цепочку отношений внутри производства и приобретая качества точности и быстроты движений, самодисциплины и активности. Производство в достаточно прямом и непосредственном смысле формирует «нового человека», который встроен в производственные процессы, подчинен им, сам является частью механизмов (см.: Гастев, 1923а: 3). Метафора машины возникает у А.К. Гастева не только в педагогическом контексте как образец для копирования качеств и некий образовательный идеал.

Становление машиной, механизация жизни захватывает А.К. Гастева уже на исходе 20-х годов. От хронометрирования труда, изучения времени производственных процессов, скорости реакций рабочего, он предлагает перейти к построению «машины – государства» (Гастев, 1923b: 22). Рисуемое им будущее включало в процесс механизации всю планету, предполагало установление господства коллективного труда через поглощение самой индивидуальности. Не имеющие имен люди-автоматы будут в полной мере включены в производственную цепь других механизмов, не только соответствовать им, но превосходить, являясь «великолепными машинами» (Гастев, 1923b: 14). Отметим, что в фантазиях А.К. Гастева, при всей их оторванности от реалий начала XX века, воплотились основные черты индустриальной эпохи: дегуманизация, механизация, а

также усиление контроля над субъективным, включая переживаемое человеком время, будь то время, поглощенное трудом, или время, захваченное идеологией.

Образно говоря, время в восприятии творцов революции совершило своеобразный поворот от апокалипсиса к времени репрезентируемому и управляемому идеологической установкой режиссера, программному времени педагогики, проективному времени труда. Конструируемое время Гастева, мотивированное политически, поглощается объективным временем физических процессов и работы машин. Беспристрастный «Киноглаз» Вертова, фиксирующий жизнь в ее непосредственной очевидности, показывает управляемость времени. «Дурная бесконечность» апокалиптического времени присваивается, почти магически «заговаривается» в работах советских авторов начала XX века в попытке его перезапуска через наполнение новыми смыслами. Деятельность, сила, инициатива, творчество и контроль – лишь неполный их перечень, маскирующий сам проект «нового человека», а также время как конструкт, стремясь представить его временем объективным (временем машины, киноглаза), историческим временем, объективным временем трудовых и производственных процессов.

Литература

- Бадью, А. Этика. Очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
- Бердяев, Н. Вечность и время // Вестник русского студенческого христианского движения. 1935. № 3. С. 27-33.
- Бердяев, Н. Миросозерцание Достоевского. М.: Хранитель, 2006. 254 с.
- Гастев, А.К. Восстание культуры. Харьков: Молодой рабочий, 1923b. 44 с.
- Гастев, А.К. Как надо работать: практическое введение в науку организации труда. Центр. ин-т труда «ЦИТ». М.: Экономика, 1966. 472 с.
- Гастев, А.К. Поэзия рабочего удара. М.: ВЦСПС, 1923а. 202 с.
- Гастев, А.К. Трудовые установки. М.: Экономика, 1973. 343 с.

Герцен, А.И. Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 6. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 549 с.

Гюнтер, Х. Революция – утопия – Апокалипсис. Социальные аспекты утопического сознания // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 10-14.

Кравченко, А. Создание нового советского человека. Лекция 3. Как большевики превращали человека в машину, чего они хотели от детей и зачем были нужны пионеры // Арзамас. История русской культуры. Между революцией и войной [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1499> (дата обращения: 29.07.2021).

Кропоткин, П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.

Луначарский, А.В. Воспитание нового человека: Обработанная стенограмма лекции, прочитанной 23 мая 1928 г. в Ленинграде. Ленинград: Прибой, 1928. 48 с.

Никольский, С.А. Русское мировоззрение. Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 710 с.

Новиков, С.Г. Проектирование «нового человека» в Советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 1 (57). С. 161-174.

Ропшин, В. (Савинков, Б.) Конь бледный. Мюнхен: Edition Neimanis, 1974. 139 с.

Ткаченко, И.А. Апокалиптические темы и мотивы в русской культуре конца XIX – первой половины XX вв.: автореферат дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2007. 21 с.

Фишева, А.А. Образ «нового человека» в советском кинематографе в 1930-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 1 (33). С. 144-157 [Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_33_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.13 (дата обращения: 29.07.2021).

References

Badiou, A. (2006), *Etika. Oчерk o soznanii zla* [Ethics. An essay on the consciousness of evil], Machina Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Berdyayev, N. (2006), *Mirosozertsanie Dostoievskogo* [Dostoevsky 's Worldview], Khranitel' Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Berdyayev, N. (1935), “Time and eternity”, *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizhenija* [Bulletin of the Russian Student Christian Movement], 3, 27-33 (in Russ.).

Fisheva, A. A. (2020), “The image of the ‘new man’ in Soviet cinema in the 1930s.”, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 1 (33), 144-157 [Online], available at: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_33_2020.pdf (Accessed 29 July 2021). DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.13 (in Russ.).

Gastev, A. K. (1966), *Kak nado rabotat': prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to work: a practical introduction to the science of labor organization], Ekonomika, Moscow, USSR (in Russ.).

Gastev, A. K. (1923a), *Poeziya rabochego udara* [Poetry of the working strike], VTSSPS, Moscow, Russia (in Russ.).

Gastev, A. K. (1973), *Trudovye ustanovki* [Labor perceptions], Ekonomika, Moscow, USSR (in Russ.).

Gastev, A. K. (1923b), *Vosstanie kul'tury* [The Uprising of Culture], Molodoy rabochiy, Kharkov, USSR (in Russ.).

Gunther, H. (2021), “Revolution – utopia – Apocalypse. Social aspects of utopian consciousness”, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 4 (9), 10-14 (in Russ.).

Herzen, A. I. (1955), *Sobranie sochineniy: V 30-ti tomakh. T. 6* [Collected works: In 30 vols. Vol. 6], Akademiya nauk SSSR, Moscow, USSR (in Russ.).

Kravchenko, A. “The creation of a new Soviet man. Lecture 3. How the Bolsheviks turned a man into a machine, what they wanted from children and why pioneers were needed”, *Arzamas. Istoriya russkoy kul'tury. Mezhdunarodnyy zhurnal* [Online], available at: <https://arzamas.academy/materials/1499> (Accessed 29 July 2021) (in Russ.).

Kropotkin, P. A. (1990), *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Lunacharsky, A. V. (1928), *Vospitanie novogo cheloveka: obrabotannaya stenogramma leksii, pročitannoj 23 maya 1928 g. v Leningrade* [Education of a new person: an edited transcript of a lecture delivered on May 23, 1928 in Leningrad], Priboy, Leningrad, USSR (in Russ.).

Nikolsky, S. A. (2012), *Russkoe mirovozzrenie. T. III. «Novye lyudi» kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoy filosofii i klasicheskoy literature 40-kh – 60-kh godov XIX stoletiya* [Russian Worldview. Vol. III. “New People” as an idea and phenomenon: the experience of Comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40s – 60s of the XIX century], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Novikov, S. G. (2019), “Designing a ‘new man’ in Soviet Russia of the 1920s” *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], vol. 1, 1 (57), 161-174 (in Russ.).

Ropshin, V. (Savinkov, B.) (1974), *Kon' bledny* [Pail horse], Edition A. Neimanis, Munich (in Russ.).

Tkachenko, I. A. (2007), “Apocalyptic themes and motifs in Russian culture of the late XIX - first half of the XX centuries”, Abstract of Ph.D. dissertation, Shuya, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Борисова Оксана Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; borisova@bsu.edu.ru

Буйнякова Инна Сергеевна, кандидат философских наук, заместитель директора департамента подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; buinyakova@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Oksana S. Borisova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; borisova@bsu.edu.ru

Inna S. Buinyakova, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director of the Department of Training and Certification of Scientific and Pedagogical Personnel, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; buinyakova@bsu.edu.ru